

Russkiye Vedomosti. 1905, March 21, p. 2.
Русские Ведомости. 1905, 21 марта, с. 2.

Theater and music.

On March 18th, the second of two symphonic concerts took place in the Great Hall of the Noble Assembly, under the direction of Mr. Rachmaninoff. This year, the circle of Russian music lovers expanded its activities. This concert differed in many ways from the circle's other evenings: its exclusively symphonic program was in full accordance with the size and nature of the premises, which cannot be said of the circle's usual chamber concerts; this program was short and not tiring, which, again, is not something the circle's usual programs can boast of. But beyond these passive merits, the program was interesting for its very composition: it included Glazunov's suite "Winter" (from the ballet "The Seasons"), new to Moscow, and several outstanding, but rather rarely performed old works in our country: Borodin's Second Symphony, Balakirev's Overture on Three Russian Themes, and Mussorgsky's "Night on Bald Mountain." There were no soloists at all, and this gave the entire evening a pleasant air of something particularly sustained and integral.

Glazunov's suite is a kaleidoscope of small ballet-like scenes, the main interest of which lies in the elegant play of new colour spots and chiaroscuro. It is, of course, impossible to look at all this frost, ice, snow, etc., as an attempt to accurately depict natural phenomena with sounds, although in terms of sound painting the composer has achieved amazing results in places.

In the latter respect, the fourth movement of the suite ("Hail," incidentally, which fell in winter contrary to the laws of nature) and especially the first movement, which serves as a wonderful introduction to the suite (something like the howling of a snowstorm, etc.), stand out. One of Balakirev's early works, an overture on three Russian themes, is still listened to with pleasure: so clear is the thread of the development of folk tunes in it, so transparent is its instrumentation. The other two pieces on the program, Borodin's symphony and Mussorgsky's fantasy, are distinguished by a quality common to a certain extent to most major works of the celebrated new Russian school—a mosaic quality. In Mussorgsky's fantasy, with its free programmatic forms, this is less striking than in Borodin's symphony, the grandiose musical content of which is not always able to atone for a certain fragmentation and lack of strict completeness of form. Here, Mr. Rachmaninoff's fundamental qualities of conducting were most appropriate: conscious definiteness of intentions and firmness in their execution. In general, in the field of symphonic music, the young conductor of the Bolshoi Theater showed the same outstanding qualities as in opera; he is a conductor "by the grace of God," from whom, with sufficient practice, a first-class artist in this field should develop. The audience was large; but this audience, accustomed to the usual programs of the circle, with their crowd of soloists and thin romance vinaigrette, apparently did not quite freely digest a solid program of a new, unusual nature.

Yu. E.

As we are informed from an absolutely reliable source, the news from the St. Petersburg newspapers that the professors of the St. Petersburg Conservatory N. A. Rimsky-Korsakov, A. K. Glazunov and M. K. Benois left the conservatory, is not true

[Translation: Google]

Театръ и музыка.

18-го марта въ Большой залъ Дворянскаго собранія состоялся подъ управленіемъ г. Рахманинова второй изъ двухъ симфоническихъ концертовъ, пото-рыми въ нынѣшнемъ году кружокъ любителей русской музыки расширилъ кругъ своей дѣятельности.

Концертъ этотъ мно-гимъ выгодно отличался отъ другихъ вечеровъ кружка: его исключительно сим-фоническая программа находилась въ полномъ соотвѣтствіи съ размѣрами и характеромъ помѣщенія, чего нельзя сказать объ обычныхъ камерныхъ концертахъ кружка; программа эта была недлинна и неутомительна, чѣмъ опятьтаки не могутъ похвалиться обычныя программы кружка. Но помимо этихъ пассивныхъ достоинствъ программа интересна была и по самому своему составу: въ нес вошли новая для Москвы сюита Глазунова «Зима» (изъ балета «Времена года») и нѣ. сколько выдающихся, но довольно рѣдко исполняемыхъ у насъ старыхъ сочиненій: 2-я симфонія Бородина, увертюра Балакирева на три русскія темы, «Ночь на Лысой горѣ» Мусоргскаго. Солистовъ вовсе не было, и это придало всему вечеру симпатичный отпечатокъ чего-то особенно выдержаннаго и цѣльнаго.

Сюита Глазунова — калейдоскопъ маленькихъ балетно-условныхъ картинокъ, главный интересъ которыхъ въ изящной изящной игрѣ новыхъ красочныхъ пятенъ и свѣтотѣней. Смотрѣть на всѣ эти инеи, льды, снѣга и т. д. какъ на попытку точно изобразить звуками явленія природы, конечно, нельзя, хотя и въ смыслѣ звуковой живописи композиторомъ мѣстами достигнуты результаты поразительные.

Въ послѣднемъ отношеніи выдаются четвертая часть сюиты („Градъ“, кстати сказать, выпавшій зимой вопреки законамъ природы) и особенно первая часть, служащая чудеснымъ вступленіемъ къ сюитѣ (что-то въ родѣ завываній вьюги и т. п.). Одна изъ раннихъ работъ Балакирева, увертюра на три русскія темы, и теперь слушается съ удовольствіемъ: такъ ясна въ ней нить разработки народныхъ напѣвовъ, такъ прозрачно она инструментована. Двѣ другія пьесы программы, — симфонія Бородина и фантазія Мусоргскаго, — отличаются свойствомъ, до извѣстной степени общимъ большинству крупныхъ произведеній ташназы-ваемой новой русской школы, — мозаичностью. Въ фантазій Мусоргскаго, съ ея свободными программными формами, это меньше бросается въ глаза, чѣмъ въ бородинской симфоніи, грандіозное музыкальное содержаніе которой не всегда въ состояніи искупить нѣкоторую обрывчатость и недостатокъ строгой законченности формы. Здѣсь какъ нельзя болѣе кстати были основныя качества дирижированья г. Рахманинова: сознательная опредѣленность, намѣреній и твердость въ ихъ выполненіи. Вообще и въ области симфонической музыки молодой капельмейстеръ Большаго театра выказалъ тѣ же выдающіяся достоинства, какъ и въ оперѣ; это - дирижеръ „Божьей милостью“, изъ котораго при достаточной практикѣ дол-женъ выработаться художникъ въ этой области первоклассный. Публики была масса; но эта публика, приученная къ обычнымъ программамъ кружка, съ ихъ кучей солистовъ и жидкимъ романснымъ винегретомъ, видимо, не вполне свободно переваривала солидную программу новаго, непривычнаго характера.

Ю.Э.

Какъ намъ сообщаютъ изъ абсолютно достовѣрнаго источника, извѣстіе петербургскихъ газетъ о томъ, что профессора петербургской консерваторіи Н. А. Римскій-Корсаковъ, А. К. Глазуновъ и М. К. Бенуа вышли изъ состава консерваторіи, невѣрно